

Сказки для взрослых

Хранитель тишины

Елена Пьерр

Елена Пьерр

Хранитель тишины.

Сказки для взрослых

<https://litres.ru/73960473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь нет советов, как стать лучшей версией себя, и рецептов «успешного успеха». Но есть честный разговор о том, что настоящему болит. Это книга-проводник для тех, кто столкнулся с выгоранием, потерял ориентиры в бесконечной гонке или пытается заново отыскать свою индивидуальность.

Каждая история — это безопасное зеркало для вашей души. Они не убаюкивают, они помогают прожить сложные эмоции, взглянуть иначе на свои слабости и найти выход там, где раньше казался тупик.

Заварите чай, устройтесь поудобнее и позвольте себе роскошь просто побыть собой. Вы имеете право быть неидеальными. Но живыми.

Содержание

От автора	4
Волк и невидимая верёвка	5
Спор без победителя	10
Синдром пожелтевшего пергамента	14
Принцесса была ужасная	18
Сто способов перемещения в пространстве	24
Чувство новизны	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хранитель тишины. Сказки для взрослых

От автора

Рада видеть вас на страницах этого сборника!

Здесь собраны истории, которые писались в самые разные моменты жизни. Какие-то из них подарят вам улыбку, какие-то — повод задуматься, а некоторые, возможно, помогут отпустить затаившуюся внутри грусть или усталость.

Каждую сказку я постаралась дополнить атмосферной иллюстрацией, чтобы вам было уютнее погружаться в этот маленький мир. Заварите любимый чай, выдохните и позвольте себе просто отдохнуть.

Приятного чтения!

~~

Волк и невидимая верёвка

В одном лесу, где деревья шептались по ночам, а тропинки вели не туда, куда обещали, жил Волк. Волк как волк — серый, зубастый, с умными глазами и глупой привычкой.

Он привязывался.

Не верёвкой — душа у него была такая: липкая, как смола. Воткнётся во что-нибудь и висит, радуется.

Сначала он привязался к луне. Ему казалось, что без её холодного света он не сможет быть правильно. Каждую ночь он садился на холм и смотрел, как луна ползёт по небу. Он даже имя ей придумал — Селена. Волк спорил с соседними волками, доказывая, что его луна лучше. А когда сквозь тучи она не показывалась, он сидел и тосковал, будто потерял лучшего друга.

Потом он привязался к берлоге. Не своей — чужой, старой, где когда-то жил медведь. Волку казалось, что в этой берлоге какой-то особенный дух, что без её запаха он не выспится. Он ходил туда каждый вечер, сворачивался калачиком и сопел. А когда берлогу размыло весенним паводком, Волк метался по берегу, как угорелый, и рыдал так, что сороки в ужасе разлетелись.

Потом он привязался к ёжику. Такой колючий, фыркающий, но забавный. Волк ходил за ним хвостом, помогал та-

щить грибы, защищал от лис. Ему казалось, что без ёжика жизнь станет пустой и пресной, как вода из лужи. Ёжик был добрый, но однажды сказал: «Волк, ты меня душишь. У меня свои дела». И укатился в орешник. Волк три дня пролежал под кустом, грыз себя за хвост и клялся, что больше никогда ни к кому не привяжется.

— Смешной ты, — сказала ему Белка, которая сидела на сосне и лушила шишку. — Ты не к ёжику привязался. Ты к своему страху остаться одному привязался. А ёжик тут просто декорация.

— Причём тут страх? — огрызнулся Волк.

— А при том, — Белка бросила шишку и попала Волку в нос. — Ты ходишь за всеми, потому что боишься, что без кого-то ты — ноль. Пустое место. А сам ты — не пустое. Но ты этого не замечаешь.

Волк почесал нос. Обидно. Но в словах Белки было что-то такое... липкое, как его собственная душа, только с другой стороны.

Он ушёл в лес, сел под осиной и задумался.

— А если я ни к кому не привязан? — спросил он себя. — Кто я тогда?

— Волк, — сказала Осина, шелестя листьями. — Ты просто волк. Не «волк, который воет на луну», не «волк, который спит в медвежьей берлоге», не «волк, который дружит с ёжиком». Просто волк. И этого достаточно.

Волк хотел возразить, но не нашёл слов. Он встал, отрях-

нулся, сделал несколько шагов по лесу.

Никуда не привязываясь.

Страшно не было. Только непривычно. Как в первый раз без тёплой шубы, когда уже не холодно, но всё равно ищешь её взглядом.

Он прошёл мимо холма, где светила луна. Понюхал воздух — луна пахла ничем. Это было странно. Он остановился, посмотрел на неё и... не захотел выть.

— Свободен? — спросил себя Волк.

— Не то слово, — ответила Белка, догнав его по веткам. — Ты просто перестал путать присутствие с ценностью. Раньше тебе казалось, что если кого-то нет рядом, то и тебя нет. А теперь ты понял, что ты есть всегда. Даже когда один.

Волк усмехнулся.

— А ёжик?

— Ёжик живёт своей жизнью, — сказала Белка. — И это нормально. Ты можешь радоваться, что он есть, но не обязан приклеиваться к нему как репей к шерсти.

Волк вздохнул. Свобода оказалась не такой весёлой, как он думал, но и не такой страшной.

Он пошёл дальше. Без компаса, без кумира, без привычки цепляться за первый попавшийся хвост.

И где-то на опушке ему встретился Ёжик. Тот самый. Он нёс в зубах большой подберёзовик и что-то бормотал под нос.

— Привет, — сказал Волк. — Помочь?

— Нет, — фыркнул Ёжик. — Я сам. Но спасибо.

Волк кивнул и пошёл мимо. Не остановился. Не вцепился.

Просто... прошёл.

И почему-то на душе стало легко. Как будто он наконец снял с себя шубу, которая была слишком тёплой для этого лета.

Белка с сосны крикнула ему вслед:

— Ну как?

— Нормально, — ответил Волк. — Даже лучше, чем когда был привязан.

— Запомни этот день, — сказала Белка. — Ты только что вырос.

Волк не ответил. Он просто шёл по лесу, который теперь не был ни родным, ни чужим. Он был просто лесом. А Волк был просто волком.

И этого, оказывается, хватало.

~ ~

Спор без победителя

Давным-давно, ещё до того, как люди научились варить суп и печь пироги, на одной кухне поселились Соль и Сахар.

Жили они на разных полках. Соль — в глиняной миске у самой плиты. Сахар — в берестяном туеске возле чайника. Их разделяла не только кухонная утварь, но и вечная история о том, кто из них главнее.

— Я — основа жизни, — сказала однажды Соль, блестя белыми кристаллами. — Без меня любая еда пресна. Человек не может жить без меня. Я в его крови, в его поту, в каждой капле его тела. Я — необходимость.

— А я — радость, — ответил Сахар, золотясь в луче солнца. — Без меня грустно пить чай, и дети плачут. Я делаю мир слаще. Я — праздник.

— Праздник бывает раз в неделю, — фыркнула Соль. — А я нужна каждую минуту.

— Зато меня любят, — парировал Сахар. — Тебя боятся пересолить. Меня никогда не кладут слишком много — только вприкуску.

Они спорили веками. Лампочка под потолком давно перегорела, хлебница сменила три поколения, а Соль и Сахар всё мерились значимостью.

Однажды на кухню пришёл Повар. Он любил готовить и

умел слушать. Он взял щепотку Соли и щепотку Сахара и положил их в одну миску.

— Что ты делаешь? — возмутилась Соль. — Я не дружу с этим слащавым типом!

— Ты меня разбавляешь! — закричал Сахар. — Моя сладость — моя гордость!

Повар размешал их и добавил в томатный соус. Соль и Сахар сначала боролись, потом замерли... а потом удивились. Вместе они создали вкус, которого не было по отдельности: не кислый, не горький, не просто солёный и не просто сладкий, а сложный. Глубокий. Такой, что хотелось пробовать ещё.

— Это... неплохо, — признала Соль.

— Даже интересно, — прошептал Сахар.

С тех пор они перестали спорить. Но не потому, что один победил. А потому, что поняли: их сила не в том, чтобы соперничать, а в том, чтобы дополнять.

Соль осталась необходимой. Сахар остался любимым. Но вместе они могли творить настоящую магию.

Однажды вечером, когда Повар готовил ужин, к ним заглянул Вкус — прозрачная бесплотная сущность, которая живёт на кончиках языка.

— Ты счастлив? — спросила Соль.

— Я есть, — сказал Вкус, — когда вы вместе, а когда по отдельности — вы просто минералы.

— То есть мы не главные? — обиделась Соль.

— Вы — инструменты, — ответил Вкус. — Главный — тот, кто вами пользуется. И секрет не в том, чтобы доказать свою важность, а в том, чтобы оказаться в нужном месте в нужный момент.

Соль и Сахар замолчали. Впервые за сотни лет им нечего было сказать друг другу.

А Повар просто улыбнулся и добавил щепотку в очередное блюдо. Потому что знал: Соль и Сахар — не враги. Они просто разные. И разность — это не повод для войны, а повод для рецепта.

~ ~

Синдром пожелтевшего пергамента

В старом дубовом комоде, в шкатулке с перламутровой крышкой, лежал пергамент. На нём было записано, как приготовить эликсир от всех болезней — и душевных, и телесных. Тот, кто выпьет его, станет неуязвим для страха, лени и забвения.

Рецепт знали многие.

Учёные приезжали из других городов, читали, ахали, снимали копии, писали статьи. Богачи предлагали за него горы золота, но только для того, чтобы запереть в сейф. Странники заглядывали в шкатулку, прослезившись от красоты формулировок, и шли дальше.

Пергамент старел.

С каждым годом его края желтели и крошились. Буквы бледнели, словно устали ждать. Рядом в шкатулке лежал стеклянный флакон. Пустой. Он вздыхал по ночам:

— Когда же кто-нибудь возьмёт тебя и сделает?

— Я и так ценен, — шелестел пергамент. — Во мне вся мудрость мира.

— Мудрость, которая не стала делом, — зевнул флакон, — хуже лжи. Ложь хотя бы вредит активно. А ты просто ис-

тлеваешь.

Пергамент обижался и замолкал.

Однажды пришёл человек. Не учёный, не богач, не странник. Простой аптекарь из соседнего квартала. Он долго водил пальцем по строкам, а потом спросил:

— А где корень живокости? У нас на рынке не продают.

— Поищи, — прошелестел пергамент. — Знание требует жертв.

Аптекарь ушёл. И больше не вернулся.

Пергамент ждал. Месяц, другой, год. Флакон потускнел и покрылся пылью. А в щель комода пробрались мыши.

Они не умели читать. Они умели грызть.

— Что это? — пискнула одна, тронув лапкой шкатулку.

— Бумага, — ответила вторая. — Подстилка.

Мыши вытащили пергамент, разорвали на куски и устроили гнездо. Буквы смешались с соломой и пылью. Эликсир бессмертия стал подстилкой для мышиного выводка.

Флакон тихо звякнул в темноте:

— Знание, которое не применили, — это просто мусор.

Пергамент не ответил. Он уже рассыпался на отдельные слова, которые никто никогда не прочтёт.

Мыши прожили долгую и сытую жизнь. Они знали одно: где есть хлебные крошки, туда и надо бежать. И этого им хватало.

А в пустом комоде осталась шкатулка с перламутровой крышкой. Иногда кто-нибудь открывал её, смотрел на пустое

дно и вздыхал.

— Говорят, здесь когда-то лежал великий рецепт, — шептали люди.

Но никто не знал, что с ним случилось.

Некоторые, правда, пытались отыскать рецепт. Листали старые книги, расспрашивали старожилов, даже заглядывали в мышиные норы. Но находили только пыль. И тогда утешали себя: «Наверное, это была выдумка».

А правда была проще: тайна, которая не превратилась в дело, исчезает бесследно.

~

Принцесса была ужасная

В белом белом городе по белой белой улице шла белая белая ведьма. На самом деле она была очень даже чёрной, но довольно хорошо маскировалась. И даже самые близкие не видели её истинной сути.

Думаете, это невозможно, так долго скрывать свою натуру? А вот и нет.

А всё потому, что людям, как правило, интересны только они сами, и они редко смотрят в глубину другого, если только не запахнет жареным в отношении их личных интересов.

Что касается близких, на то они и близкие, должна же быть хоть где-то отдушина. Ведь близких мы мучаем часто просто и без повода.

Но вернёмся к нашей милой ведьме. Она действительно была раньше светлой в прямом смысле этого слова. Может, поэтому ей так легко удавалось притворяться. Она любила людей и доверяла им, старалась помочь по мере возможностей и пыталась сделать этот мир чуточку лучше. Хотела, чтобы было больше улыбок, добра и радости в этой и так не простой жизни.

Так гораздо сложнее. И нужно нести ответственность за тех, кому помогаешь, но ей нравилась эта миссия.

Но так получилось, что в один неподходящий момент она

оказалась не в том месте и не то время, а, может, это было её испытание, которое она с треском провалила. Ей так нравилось помогать и быть чем-то полезной, радоваться, когда всё получалось, что она слишком заигралась в это и не заметила опасности.

В любом случае это уже не имеет значения, всё решено и выбор сделан.

Тьма всё глубже проникает в неё с каждым днём, и нет пути назад. Это был её выбор, она могла отказаться и просто жить, как прежде. Но она предпочла другое. Позволила на краткий миг лучам разрушения и чужого равнодушия коснуться её сердца, и не смогла этому противостоять.

А может, всё было с точностью наоборот? Помните, как в мультике... Погода была ужасная, принцесса была прекрасная...

В чёрном чёрном городе по чёрной чёрной улице шла чёрная чёрная ведьма. На самом деле она была очень даже белой, но довольно хорошо маскировалась. И даже самые близкие не видели её истинной сути.

Думаете это невозможно, так долго скрывать свою натуру? А вот и нет.

Она действительно была раньше тёмной в прямом смысле этого слова. Может, поэтому ей так легко удавалось притворяться. Она ненавидела людей и никому не доверяла, старалась побольнее уколоть по мере возможностей и сделать очередную пакость. Чтобы держались подальше, завидовали

и ненавидели в ответ.

Так гораздо проще. Не нужно нести ответственности и можно всё списать на уродство других. Ведь всем известно, что другие ищут лишь выгоды в отношениях.

Но так получилось, что в один неподходящий момент она оказалась не в том месте и не то время, а, может, это было её тёмное испытание, которое она с треском провалила. Ей так нравилось жить изолированно, подальше от всех и упиваться ощущением собственной ужасности.

В любом случае это уже не имеет значения, всё решено и выбор сделан.

Свет всё глубже проникает в неё с каждым днём, и нет пути назад. Это был её выбор, она могла отказаться и просто жить, как прежде. Но она предпочла другое. Позволила на краткий миг коснуться лучам душевного тепла её сердца и растопить лёд недоверия и прежней боли.

А может, всё было совсем не так?

По обычному городу по самой обычной улице шла самая обычная девушка. На самом деле она была очень даже необычной, но давно не верила в это или просто забыла.

Проходим, также как и близким было на неё давно плевать, ну, или ей так казалось.

Она жила самой обычной жизнью, ничего не искала и уже давно ни на что не надеялась. Работа - дом - работа. Вечера, полные бессмысленных забот, и редкие встречи с типа друзьями раз в месяц.

Слой сумеречной пыли над всем существованием. Ни просвета, ни намёка на малейшие изменения.

Оно и понятно, ведь смысл своей жизни каждый выстраивает сам. Но это был её выбор, и мир лишь грустно соглашался с этим.

И лишь иногда ощущение собственной необычности прорывалось сквозь налёт безысходности, но умело гасилось натренированным годами разумом.

Или, может, всё было совсем не так, а с точностью наоборот?

По прекрасному городу по самой красивой улице шла самая необычная девушка. На самом деле она была очень даже обычной, но давно поверила в себя, забив на мнение окружающих.

Прохожие восхищённо смотрели ей вслед, а близкие не могли нарадоваться, что она есть в их жизни. И она отвечала им взаимностью.

Она любила рассчитывать только на себя и жила в своё удовольствие, восхищаясь мелочам и мимолётным подаркам судьбы. Ей нравилось общаться с друзьями, и она была душой любой компании. А вечера в кругу любящей семьи давали ей невероятные ощущения счастья и заботы.

Иногда казалось, что всё её существование было пропитано волшебством и чудесами, так много всего прекрасного происходило ежедневно.

Оно и понятно, ведь смысл своей жизни каждый выстраи-

вает сам. И это был её выбор, а пространство лишь радостно соглашалось с этим.

И лишь иногда ощущение собственной обычности прорывалось в её мысли, но это быстро проходило, ведь мир так чудесен, и грустить совсем нет времени.

А может, всё было совсем не так?

В любом случае выбор сделан, и всё решено. И этот выбор ежедневно делает каждый из нас: кем ему быть или кем казаться.

~

Сто способов перемещения в пространстве

В пыльной библиотеке на дальней полке, где книги не открывали десятилетиями, жил червь. Не тот, что портит корешки, а особенный — книжный червь, который читал. Он впитывал содержание томов целиком, проглатывал страницы вместе со смыслами, и от этого раздувался.

Сначала он был маленьким, как спичка. Потом — как палец. Потом — как старая свеча.

Каждая прочитанная книга прибавляла ему веса. Червь знал всё: историю падения империй, устройство паровых машин, рецепты счастья от ста монахов, способы ловить ветер и формулы любви. Но он никогда не покидал эту полку. Ни разу.

— Ты колоссален, — шептала Паутина, оплетая его с боков. — Твои знания спасут мир.

— Спасут, — кипел червь, переваривая очередной фолиант. — Вот только... куда выползти? Где этот мир?

Паутина не знала. Она сама никогда не видела света.

Шли годы. Червь раздувался всё больше. Его бывшее изящное тело превратилось в неподвижную тушу, переполненную фактами, цифрами, цитатами. Он уже не мог ползти

— только лежать и читать дальше. На всякий случай.

Однажды в библиотеку зашёл человек. Не читатель — искатель потерянных вещей. Он рылся на полках, чихал на пыль и вдруг наткнулся на червя.

— Ты кто? — спросил человек.

— Я — знание, — прошелестел червь. — Во мне вся мудрость мира. Возьми меня с собой, и я научу тебя всему.

Человек хотел протянуть руку, но червь был так тяжёл, что не поддавался.

— Ты не умеешь двигаться, — сказал человек.

— Зачем? — обиделся червь. — Я знаю, как двигаться. В книге «Сто способов перемещения в пространстве» описано всё.

Человек вздохнул, вытер пальцы и ушёл. Червь остался на полке.

Паутина прошептала:

— Он был прав. Твоя мудрость — как замок без дверей.

— Зато я знаю, как строить замки, — отрезал червь, но голос его дрогнул.

* * *

В ту ночь он впервые не стал читать новую книгу. Он попытался пошевелиться. Тело не слушалось — слишком много непереваренного знания отягощало его. Тогда червь закрыл глаза и представил, как ползёт к выходу. Всего один поворот.

Утром его нашли мёртвым. Он рассыпался в труху — смесь бумажной пыли и засохших чернил.

Паутина сползла на пустое место и сказала:

— Он знал всё. Кроме одного: знание, которое не стало движением, убивает.

* * *

В ту ночь червь не стал читать новую книгу. Он попытался пошевелиться. Тело не слушалось — слишком много непереваренного знания отягощало его.

— Я задыхаюсь, — прошептал он Паутине.

— Так выплюни лишнее, — ответила та, удивившись своей мысли.

Червь напрягся. И вдруг... оторывнул целый томик стихов. Из него выпали рифмы, хлынули строфы, и стало легче. Он выдохнул «Теорию столярного дела» — и снова потерял в весе. Потом изверг «Энциклопедию морских узлов».

Тело уменьшалось, становилось подвижным. Червь больше не был колоссом. Он стал гибким, как молодой росток.

Когда вернулся человек (тот самый, искатель потерянных вещей), червь сидел на краю полки и свешивал хвост.

— Я готов, — сказал он. — Я забыл почти всё. Но теперь я могу ползти.

Человек взял его в ладонь и вынес на улицу. Червь впервые увидел солнечный свет и ощутил ветер.

— Чему ты теперь научишь меня? — спросил человек.

— Не знаю, — признался червь, щурясь от незнакомого тепла. — Я могу пересказать тысячу книг, но не умею отличить утренний ветер от вечернего. Я хочу научиться чувствовать этот мир. Медленно. Ошибаясь. Без шпаргалок.

— Это будет долго, — улыбнулся человек.

— Ничего, — сказал червь. — В первый раз я ползу не по странице, а по земле. И это уже победа.

Они ушли вместе. А на полке осталась пустота и грустная Паутина.

— Он был прав, — прошептала она. — Иногда знание нужно переварить с движением.

И никто ей не ответил.

Чувство новизны

Ля минором отзывается в душе тихий перезвон посуды в старом серванте. И дело даже не в ветхости шкафа, он может быть и новым или вообще коробкой на балконе.

Просто этот звук застоя и запах затхлости, что источают грустные вещи, рождает печаль. Они тоскуют по теплоте рук и улыбкам гостей. Им хочется на свет и наполниться новыми ощущениями. Вдохнуть аромат блюд и радоваться жизни.

Но их забыли.

Точнее даже не так: они нужны и не нужны одновременно.

— Куда ты это хватаешь! Это же бабушкин сервиз, она так его любила и берегла.

— Ну мам, бабуля была бы счастлива, если бы мы им пользовались хоть иногда.

— А если разобьёшь?

— Так а чего он просто лежит и занимает место? Давай продадим тогда. Там вон и клеймо есть. Одна тарелка, например, тысячи две стоит.

— Как продать? Это же память!

Посуда, затаив дыхание, прислушивалась к спору в надежде вновь обрести свободу. Но опять победила бессмысленная бережливость.

Тоска и разочарование вспыхнули искорками в тишине

безвременья и осыпались грустинками в темноте могилы.
Похоронены заживо, и нет шанса быть услышанными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.